

**ТАТЬЯНА
НОВИКОВА**

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022 №

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

**МОЙ БЫВШИЙ МУЖ
ДАВАЙ ПОПРОБУЕМ
ОПЯТЬ?**

Татьяна Новикова
Мой бывший муж.
Давай попробуем опять?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67588172

SelfPub; 2022

Аннотация

Мы развелись семь лет назад. Спокойно, без скандалов и дележа имущества. Так бывает, если вы не совпали интересами. Так бывает, если вас ничего не связывает. Но даже через семь лет мне опасно находиться с ним наедине.

Он заполняет мои мысли. Оголяет мои эмоции. Делает меня беззащитной.

Он – мой бывший муж. Мой самый запретный плод.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	48
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Татьяна Новикова

Мой бывший муж.

Давай попробуем опять?

Глава 1

Правило номер один для тех, кто боится встретить бывшего супруга: ты должна быть накрашена. Всегда. В любой ситуации. Каблуки, мини-юбка, макияж – в любое время суток.

Я этим правилом пренебрегла, за что и поплатилась.

Стою в аптеке за каплями от конъюнктивита. Глаз опух, покраснел, чешется невероятно. Ну и вид у меня, конечно, соответствующий. Растянутый спортивный костюм, кичка на затылке и кеды, очень удобные и максимально страшные; в таких даже мусор стыдно выкидывать.

Красавица на выгуле.

Очередь движется вяло, как специально тормозит, люди набирают лекарства целыми списками и долго достают провизора вопросами на тему «А вот если я не буду пить таблетки, а налеплю пластырь – он поможет или как?»

Я грустно рассматриваю полки и давлю в себе желание почесать глаз, когда впереди доносится:

– Три теста на беременность.

Тем самым голосом, который невозможно забыть. Хрипловатым, густым, бархатистым. Таким голосом только фильмы для взрослых озвучивать (в тех местах, где вообще требуется озвучка).

Что он тут делает?! Спустия столько лет, в отдаленном районе, и вообще...

Мне кажется, моё сердце выпрыгнет из груди и ускачет в далекие земли. Я машинально начинаю пятиться, чтобы ни в коем случае не столкнуться с мужчиной из своего прошлого, но стоящая позади старушка восклицает:

– Куда прешь, коза!

Спасибо тебе, старая женщина. На меня оборачиваются все без исключения, включая бывшего супруга. Он не изменился. Семь лет будто бы не существовали для него. Всё те же выгоревшие на солнце русые волосы, внимательный взгляд из-под темных бровей, легкий прищур. Однажды я влюбилась в его острые скулы...

...а потом мы развелись, и эти скулы, как и остальные части тела перестали мне принадлежать.

Он прекрасно выглядит в светлой футболке, что обтягивает тренированное тело. А я стою вся такая нарядная, в конъюнктивите, хлопаю ресницами.

Кажется, он меня не заметил. По крайней мере, взгляд лишь на секунду скользит по моему лицу – лицу испуганной тридцатилетней девушки – и возвращается к прилавку,

на который фармацевт выкладывает всевозможные тесты на беременность.

Бывший муж выбирает несколько разноцветных коробочек, расплачивается наличкой, а я так пристально изучаю расставленные на полке слабительные средства, будто только и мечтала, что о свежей клизме.

Вот бы он не увидел... вот бы забыл обо мне как о страшном сне...

– Садись, подвезу, – доносится до меня тем самым голосом, когда я выхожу из аптеки и собираюсь рвануть в сторону дома. – Сколько лет мы не виделись?

– С-семь, – вздыхаю, даже не пытаюсь изобразить растерянность.

Он распахивает передо мной пассажирскую дверь черной иномарки (а вот машина новенькая, когда мы расставались бывший водил тачку попроще), и мы вместе с конъюнктивитом и протертыми кедами плюхаемся в кожаный салон.

– Здравствуй, Влад.

– Ну, привет, Маша.

В салоне пахнет им. Неизменный запах, незабываемый мною, навеки сохраненный в памяти. Не одеколон или дорогой парфюм, а что-то на грани инстинктов. Что-то, что невозможно спутать. Горьковатое, словно темный шоколад, крепкое. Невероятное. Мужское.

Бывший муж даже не спрашивает у меня дороги – едет с полной уверенностью. Что ж, он прав. За семь лет я никуда

не переехала.

Поворот налево, направо, ещё раз направо. Мимо красочных мусорных баков и унылых пятиэтажек, во двор, где его авто кажется экзотическим зверем.

– Ну, как твои дела? – спрашиваю, когда пауза становится совсем уж трагичной.

После таких пауз в кино обычно пристреливают.

– Да нормально, – отвечает, дернув плечом. – А у тебя как?

– Тоже. Что нового?

Блин-блин-блин. Тупой вопрос, Маша. За столько лет у человека всё будет новое! Носки, трусы, машина. Возможно, даже зубы.

– Да особо ничего, – произносит бывший, подъехав к моему подъезду. – Недавно открыли новый филиал. В остальном, всё по-старому.

Ах да. Совсем забыла представить. Владислав Давыдов – создатель и генеральный директор фирмы по производству «умной» электроники, спортсмен, завидный жених. Раньше про него говорили: «Подающий надежды молодой предприниматель» и «Новое лицо промышленности». Теперь он лицо старое – не в плане возраста, конечно, – всем известное.

Одно время, уже после развода, я следила за его достижениями.

Зачем?

Не знаю. Не для того, чтобы порадоваться неудачам. Про-

сто... мне требовалось хоть какое-то присутствие Влада в жизни. Пусть даже такое, где он ужинает в фешенебельном ресторане под прицелом камер, а я сижу в шерстяных носках и пью чай. Под прицелом разве что дьявольской кошки-Маруськи, которая досталась мне после раздела имущества.

Вообще-то Маруська любила исключительно Влада, но я должна была забрать себе хоть что-то, поэтому черное, без единого пятнышка, чудовище поехало со мной в хрущевку.

– Понятно, – киваю. – У меня тоже всё старое. Тебя можно поздравить?

Киваю в сторону пакета с разноцветными тестами на беременность.

– С чем?

Э-э-э. Ну, как же? Дети – цветы жизни, тем более Давыдову наверняка требуется наследник. Всем богатым и знаменитым необходимы наследники. Это аксиома.

– Ну, с этим, – я опять показываю на тесты, потому что фраза «беременность твоей девушки» застревает у меня в горле костью.

Не могу. Физически больно произносить вслух.

– Маш, я не понимаю намеков.

– С этим... – изображаю рукой гигантское пузо, и Влад опускает взгляд на свой подкаченный живот.

– Я поправился?

Нет, ты всего лишь обрюхатил какую-то девушку!

Я дотягиваюсь до пакета и показываю Владу его содержи-

мое. Тот начинает смеяться.

– О, нет! Это для Алисы. Она позвонила мне и в слезах сообщила о задержке и о том, что её кавалер свинтил то ли покорять Эверест, то ли нырять с аквалангом. А ей, видите ли, стыдно идти в аптеку, потому что любая кассирша поймет, что Аля, цитирую, «заделала вне брака». Для чего ещё нужен старший брат? – Давыдов широко улыбается. – Пусть кассирши думают, что она заделала от меня.

Почему-то мне становится легче. Значительно.

Раньше я мечтала о наших совместных детях. Мальчик и девочка, конечно же. Даже – стыдно сказать! – залезла на какой-то сайт и объединила фото меня с Владом, чтобы посмотреть, как будет выглядеть наш ребенок. Наш ребенок выглядел очень плохо, потому что у него имелась отцовская щетина, а глаза украшали жирные стрелки, доставшиеся по наследству от матери.

После того раза фантазировать я перестала.

Но какое же счастье, что тесты для младшей сестры Давыдова, а не для его пассии. Ура! У меня даже конъюнктивит прошел от счастья. Самую капельку.

– Передавай Алиске привет. – Мы стоим у подъезда, и я замечаю в зеркало заднего вида, как сзади подъезжает машина, моргая нам фарами, мол, свалите отсюда. – Ну, я пойду. Спасибо, что подвез.

– Рад был тебя увидеть.

Моя рука ложится на ручку, я в последний раз вдыхаю

тот-самый-аромат и выползаю наружу. Хочется сказать напоследок что-нибудь неправильное.

Например: «Ты когда-нибудь скучал по мне?»

Но я заставляю себя промолчать. Потому что умные девочки не спрашивают всякую ерунду. У него там бизнес, работа, всякие красавицы-невесты. Ему некогда скучать.

Он, как истинный джентльмен, подвез болезную бывшую жену до дома и уехал вершить великие дела.

Марусяка встречает меня в коридоре и подозрительно обнюхивает. Весь её укоризненный вид говорит: «Что, встречалась с *моим мужиком*? Без меня?»

Я глажу гладкошерстное чудище по загривку и получаю ответную ласку когтистой лапой. Прямо в ладонь.

Ай!

Говорю же, злобное чудовище, а не кошка.

В эту секунду в дверь звонят. Настойчиво. Долго.

Не может быть...

Не нужно смотреть в «глазок», чтобы знать: там, в коридоре, Влад Давыдов. Мой бывший муж. Моя паранойя. Человек, которого я едва смогла забыть, который напомнил о себе через семь лет, ворвавшись в жизнь как конъюнктивит.

Внезапно и беспощадно.

Может быть, не открывать? Ну его нафиг.

Но я обреченно щелкаю замком. С самым неприятным предчувствием. Со страхом неизвестности.

– В этих дворах просто невозможно припарковаться! –

раздражённо сообщает Влад, переступив порог квартиры, и... жадно впивается поцелуем мне в губы.

Нас вносит в квартиру словно ураганом невиданной силы. Через узкий коридорчик в комнату, в которой давно не мешало бы прибраться. К счастью, Давыдова такие мелочи как пыль на полках волнуют мало. Он целует меня жарко, неистово. Совершенно безумно. Надавливает пальцами на затылок, не позволяя отстраниться. Притягивает к себе с абсолютным упрямством.

Захоти я возмутиться, не смогла бы. Влад напирает, подминая меня под себя мощью, голодом, бесстыдной лаской.

Но я не собираюсь возмущаться. Я готова отдать процессу. Хочу чувствовать его щетину своими щеками, колотиться об неё. Наслаждаться, забываться, гореть. Как в первый раз. Как будто не было у нас всех тех лет.

Скажете, идиотка?

Но кто из нас, разведенков, не мечтал хотя бы разок оказаться в руках бывшего мужа?

Когда мы поженились, я была моложе себя нынешней, на девять лет (и на столько же килограммов худее). Наивная девочка, уверенная, что в мире всё решается любовью. Я мечтала о сказочном принце, и Влад Давыдов полностью отвечал критериям принцевости. Красивый, умный, перспективный. Одним словом: идеал.

Спросите, почему наш брак распался?

Оказывается, даже в сказках случается такая фигня как

«не совпали по всем параметрам». Категорически. Безнадёжно.

Но теперь нашего несовпадения как будто бы и не существовало. Потому что губы Давыдова горячи, и дыхание пахнет греховностью. Мне так хорошо, что все разумные вопросы отпадают сами собой. Зачем он так делает? Почему ворвался в мою жизнь без спроса? К чему это может привести? Будет ли мне больно потом, когда всё кончится?

Его ладони оглаживают мою талию и...

– Маша. Приходи ко мне работать, – произносит он совершенно трезвым тоном, оторвавшись от моих губ. – Мне нужен главный бухгалтер. Деньгами не обижу.

Что?..

Я осоловело хлопаю глазами (один хлопает с трудом) и пытаюсь сопоставить момент нашей почти-что-близости с этим, прямо скажем, внезапным предложением.

Вопрос: как вас благодарили за качественный поцелуй?

Мне вот работу предложили.

Иди это жалость такая со стороны Давыдова? Типа, м-да, Маша, этим делом ты много не заработаешь, иди-ка в бухгалтерию. Там тебя хотя бы накормят.

Короче, пока я обдумываю: оскорбляться или радоваться, бывший муж изучает спальню, мажет безразличным взглядом по моим фотографиям, по мягким игрушкам (того кривоногого пингвина подарил он сам). Ожидает вердикта.

– Я не понимаю...

– Чего тут понимать? Мне нужен первоклассный бухгалтер, а тебе – высокооплачиваемая работа.

– С чего ты взял, что мне нужна работа? – Скрещиваю руки на груди и начинаю раздражаться. – Я не голодаю, могу позволить себе новую одежду. Капли купила аж за пятьсот рублей. Спасибо, у меня всё замечательно.

– Остынь, Сергеенко, – бросает Влад, рушась на не заправленный диван. – Просто я убежден, что на твоей работе тебе платят гораздо меньше. Давай-ка начнем торг с трехсот тысяч рублей, м-м-м? Что скажешь?

А что тут можно сказать?..

«Триста тысяч в год?!» – хочется уточнить мне, но потом я осознаю. В месяц. Жуть какая, это какие махинации нужно проворачивать, чтобы столько платили?! Да мне такие деньги не снились даже! Наша начальница получает гораздо меньше.

Второй вопрос напрашивается сам по себе: торг пойдет в сторону уменьшения? Я скажу: «Давай хотя бы двести», а Давыдов покачает головой: «Шутишь? Пятьдесят, не больше, и это за семидневную рабочую неделю. Ишь, губу раската!».

– Я не собираюсь с тобой торговаться.

– Триста двадцать, – будничным тоном роняет Влад, на колени к которому уже плюхнулась предательница-Маруська. – А ещё компенсация питания при предоставлении чеков.

– Давыдов, что за акт благотворительности? Какие триста

двадцать тысяч? Какое питание?

– Ресторанное, высококачественное.

Он всегда умел отвечать только на те вопросы, которые ему нравились. Наверное, такова черта всех предпринимателей и подающих надежды бизнесменов.

Бывший муж смотрит на меня снизу вверх, но по ощущениям – доминирует и прогибает под себя. Я прячу лицо в ладони, окончательно запутавшись. Мне не нужна работа, тем более – от Давыдова, но внутри наивная двадцатилетняя мечтательница шепчет:

«Попробуй... он предлагает неспроста...»

Меркантильная тридцатилетняя девица тоже не умолкает: «Триста двадцать тысяч! Ремонт сделаешь! Отдохнуть съездишь! Губы накачаешь! Не хочешь губы? Тогда ягодицы!»

– Ладно, – вздыхает Давыдов, погладив кошку по тощему боку, – если начистоту, то моего главного бухгалтера переманила крупная корпорация. Я с ними бодаться не смог, поэтому срочно ищу замену. Мне нужен особенный человек, а тебе я доверяю как самому себе. Неужели ты не веришь в судьбу? Почему мы встретились именно сегодня? Именно в той аптеке?

Потому что я постоянно там затариваюсь, ну, как вариант. Знаете, у некоторых есть любимые рестораны, а у меня – аптечная сеть «Фиалка». Рекомендую.

Как же поступить?

Да ну, даже незачем колебаться. Я не готова работать с

Давыдовым и не умею руководить коллективом. Я не хочу вылезать из зоны комфорта. Мне уютно в моем мирке, где нет больших зарплат и огромных обязательств.

– Я не верю в судьбу, и у меня всё хорошо на работе. Мне не нужны перемены. Даже не мечтай.

– Пожалуй, всё-таки помечтаю, – ухмыляется он, поднявшись на ноги и становясь выше меня на голову. – Ах да. Триста пятьдесят тысяч. Звони, как надумаешь, – протягивает черную визитную карточку, а я машинально сжимаю её в пальцах. – Обещаю, тебе понравится.

Звучит очень... соблазнительно и неоднозначно. У Давыдова даже голос наполняется сладким ядом. Легкая ухмылка скользит по его тонким, аристократичным губам.

– Не понимаю. Зачем ты вообще полез меня целовать, если собирался предложить работу?... – спрашиваю уже в коридоре, потому что задерживаться бывший муж не планирует.

Влетел в мою жизнь, растрепал, ошарашил. Теперь уходит с абсолютным спокойствием, словно ничего не произошло.

– Захотел вспомнить, каково это, – подмигивает он мне.

– И как? – сквозь зубы, чтобы не выругаться.

Тоже мне, нашелся экспериментатор. Вспомнить ему захотелось, видите ли, совсем запомятовал.

– Так же, как семь лет назад, – отвечает Давыдов и закрывает за собой дверь, оставив меня в катастрофических раздумьях.

«Так же» – это так же неискоренимо плохо или так же

обалденно хорошо?

Глава 2

– Конечно, соглашайся! – вскрикивает Оля, когда я рассказываю ей о возможной заработной плате. – О-о-о! Куча бабла! Да у меня даже не получается её представить!

На нас оборачиваются посетители кофейни, и мне приходится смущенно шикнуть на подругу, которая не стесняется в выражениях. Она – девушка экспрессивная, тридцати трех лет отроду, чьи волосы всегда выкрашены в яркие цвета (сейчас – в синий), а длинными ногтями можно кого-нибудь прирезать.

– Оля, такие деньги просто так не платят. А если он заставит носить ему кофе в неглиже?

– За триста с лишним штук я готова носить ему кофе даже без неглижа, – подруга откусывает кусочек пирожного и сладостно жмурится. – М-м-м, вкуснятина. Отведешь меня на первую зарплату в самый дорогой ресторан города. Обещаешь, да?

– Не обещаю. Напоминаю, мне предлагают должность главного бухгалтера. Руководить людьми? Нести ответственность?!

– А вот ты чем в своей шарашкиной конторе занимаешься? – Олька закатывает глаза. – Просто должность у тебя рядовая, а ляжку тянешь за всю бухгалтерию. То одна у вас в декрете, то вторая, то начальница на вечном больничном.

Кто работает? Лошадка по имени Машка. За сколько Машка работает? Правильно, за сорок тысяч. Не аргумент, короче. Какие ещё причины для отказа? Ну же, выкладывай.

– Я не уверена, что готова находиться с Владом на одной территории. Всё-таки нас многое связывало. Мне будет некомфортно.

Вот тут впервые за день Оля смотрит на меня с пониманием.

– Ну да, с бывшим существовать – сомнительное удовольствие.

Дело в том, что у Оли тоже есть бывший, но если мой бывший похож на звезду фильмов для взрослых, то её – на замученного статиста. Он периодически пытается ворваться в жизнь Оли с букетом цветов (чаще всего с гвоздиками). Твердит ей о любви. Угрожает. Плачет.

Затем исчезает на неопределенное время, чтобы вернуться с очередными гвоздиками.

И если мы с Давыдовым развелись из-за разных жизненных взглядов, то Оля... впрочем, они тоже расстались из-за разных жизненных взглядов. Оле казалось, что нехорошо обжиматься с чужими женщинами, а Денис считал иначе.

– Люблю-то я тебя, – выкладывал он неоспоримый аргумент. – Такова мужская природа, мы гонимся за количеством, но ты – моя вторая половинка.

Вот такой полигамный благодетель. Делает счастливыми всех, а любит одну Олю.

В общем, она как никто знает, что бывший приравняется к огромным проблемам.

– А если запросить отдельный кабинет в другом конце здания? – фонтанирует идеями подруга. – А на совещания отпирать подчиненных? Классно я придумала?

– Мне всё равно придется с ним пересекаться. Ну, не бывает такого, чтобы работать на человека и вообще его не видеть.

– Триста пятьдесят тысяч, детка. Оплатишь терапию у самого лучшего психолога, у которого пролечишь все свои расстройства после встречи с бывшим. Слушай, а ты вообще перегорела к нему?

Опасный вопрос. Я зажимаюсь и становлюсь той напуганной девчонкой, в которую превратилась после нашего развода.

– Перегорела, – отвечаю резче, чем требуется.

– Тогда чего мнешься аки благородная девица?

Она меня подловила и теперь ехидно изучает, а мне нечем ей возразить. Сама же говорю: ничего не испытываю к Давыдову, совершенно безразлична к нему. Почему тогда всеми конечностями пытаюсь отмахнуться от его предложения?

Чего опасаясь?

– Напишу ему прямо сейчас.

Визитка лежит на дне сумочки, и, чтобы её найти, придется вывалить содержимое на стол. Пока Оля заинтересованно перебирает моё барахло, я вчитываюсь в должность

Давыдова Влада. Если коротко: большой босс. Настолько большой, что обычным людям рядом с ним даже находиться запрещено.

А он меня целовал, и мои ноги подкашивались, и сердце стучало, моля о продолжении...

*Я соглашусь на тебя работать при нескольких условиях.
Мне нужны гарантии*

Какие?

Сама не знаю. Показываю переписку Ольке, и та задумчиво прикусывает губу. Понятно. Подсказок от неё не дождешься.

Во-первых, больше никаких поцелуев.

Договорились.

Во-вторых, никто не должен знать, что мы когда-то жили вместе

Без проблем.

В-третьих, пришли мне полную бухгалтерскую отчетность за предыдущие годы. Я должна понимать, во что ввязываюсь.

Документы будут на почте к 17:00. Что-то ещё?

Мы с Олей переглядываемся. В голову не лезет никаких умных, правильных условий.

– Хорошо ты его, – кивает подружка синей головой. – Жестко.

– Думаешь?

Мне наоборот кажется, что я уж больно быстро сдалась.

Даже не попыталась сопротивляться. А как же «Да я никогда на свете!» или «Только через моё хладное тело»?

Как известно, любая самодостаточная женщина должна ломаться.

Я, видимо, поломалась еще на стадии производства.

Пока – ничего.

Буду ждать тебя на собеседовании. Познакомишься с коллективом, осмотришься.

... Тем же вечером я изучаю идеальные во всех отношениях бумаги – ни единой неточности! – и понимаю: мне чертовски, дико, до безумия хочется попробовать. Не ради денег или статуса. Не ради должности главного бухгалтера, на которую я особо не рассчитывала.

Ради Влада Давыдова...

Думать о бывшем муже – ненормально?

Если это так, то положите меня в лечебницу.

***

Тем утром я встаю с первыми лучами солнца и долго начищаю перышки. Волосы уложены в косу. На ногах – неудобные чулки, которые, как мне кажется, вот-вот сползут к колену. Из шкафа вытащена любимая юбка-карандаш, строгая, классическая, но с игривым разрезом сзади. Белоснежная блузка идеально отглажена.

Я колеблюсь между красной помадой и нежно-розовой и, не выдержав, отправляю обе фотографии Ольке, а та резюмирует:

Красная – как будто девушка свободных нравов. Розовая – как будто училка старших классов. Ты бывшего очаровать хочешь или напугать?

Я уныло рассматриваю помаду.

Сама не знаю, чего хочу. Я ведь планировала максимально отстраниться от Давыдова. Даже представила, как буду проходить мимо него с гордо задранным подбородком. В облегających платьях. Вся такая недоступная. Красивая.

Мне до сих пор больно. Так бывает, если ты любил человека, а потом вы разошлись. Боль эта совсем другая, нежели семь лет назад. Она уже не выжигает дыры, не проворачивается ржавым штырем, что намертво засел в грудной клетке. Просто тянет вниз живота. Периодически ноет, напоминая о себе.

Может, не надо даже идти на это собеседование?

Только издеваться над собой.

Но на основной работе я взяла отгул и теперь, ощущая себя мелкой предательницей, поднимаюсь по начищенной лестнице в фойе центрального офиса.

Меня встречает миловидная блондинка на ресепшен, сканирует гигантскими глазищами. За её спиной – двухметровое зеркало, в котором отражаются стеклянные входные двери и я сама. А ещё – макушка блондинки, украшенная алым бантом.

Она вся такая тонкая и хрупкая (блондинка, не макушка!), и невольно я начинаю рассматривать себя. Присталь-

но так. Оценка: твердая тройка. Пухлые щеки, определенно, минус. Зато волосы, непослушные, вечно выющиеся, выпадающие из любой прически, – плюс. Несколько лишних килограммов – минус. Но вырез блузки хорошо смотрится – плюс.

– Вам назначено? – мурчит девушка.

– Да, я на собеседование с генеральным директором, Давыдовым Владиславом Евгеньевичем.

Протягиваю паспорт, пальцы девушки танцуют по клавиатуре, пока она вносит моё имя в базу.

– Проходите, – и выдает мне электронный пропуск, который я прикладываю к турникету. – Третий этаж.

Сколько же здесь стекла и зеркал, в глазах слепит от яркого света, и каблучки скользят по намытому кафелю. Я нажимаю кнопку, и лифт бесшумно возносит меня на директорский этаж. Красивый лифт, кстати. Хромированный, чистый. В таких лифтах только и заниматься, что грехопадением.

Я нахожу приемную генерального директора, постучавшись, вваливаюсь в неё. За высоченной стойкой прячется секретарша. Перед ней имеется золоченая табличка, которая должна вызывать легкий трепет: «Помощник руководителя».

Но трепетать не получается, потому что руководителю в помощники досталось губастое существо с накладными ресницами и стразами над бровями. Такое карикатурное, почти

журнальное. У него длиннющие ногти красного цвета и полупрозрачная блузка, через которую проглядывает кружевной бюстгальтер.

– Добрый день, я к Владиславу Евгеньевичу, – откашливаюсь, потому что девушка даже взгляд не поднимает. – Могу пройти?

– Нет.

Знаете, я ожидала какой-то конкретики. Ну, типа: «Босс не может вас принять, потому что у него важное совещание». Но девушка продолжает пялиться в телефон, где какая-то модель рисует себе стрелки до самых ушей.

– Что-то ещё? – недовольно спрашивает помощник руководителя с синдромом вахтера.

Некоторое время я стою, нависнув над ней, пытаюсь подбрать тон дальнейшего разговора. Такой, чтоб если и послать, то не очень далеко.

– Мне назначено сегодня, на девять утра.

– И что?

За спиной девушки – черная дверь, которая явно принадлежит генеральскому кабинету. Цель так близка. Но, чтобы туда прорваться, надо побороть цербера-секретаря.

– Владислав Евгеньевич занят? – пытаюсь нащупать точку соприкосновения.

– Наверное, – отвечает девушка и ставит сердечко видеоролику про стрелки.

– Почему я не могу к нему попасть?

– Не велено.

– Когда он освободится?

– Не знаю.

– Мне подождать?

– Не стоит.

Я будто разговариваю с электронным ассистентом. Ни единой живой эмоции, даже бровью не ведет. Дверь так и манит к себе. Представляю, как отпихиваю «помощника руководителя» всеми конечностями и несусь к ней с криками: «Пустите!!! Влад, твоя секретарша не дает мне пройти!!!»

Ситуация, прямо скажем, комичная.

Ладно, я взрослый человек, возможно, будущий главный бухгалтер. Потому достаю мобильный телефон и набираю номер. В ответ – короткие гудки. Занято. Помощник руководителя открывает новое видео, про то, как рисовать контур лица.

Нет, это невозможно!

Вообще-то мне не нравится быть наглой, но тут терпение сдает. Я уверенным шагом направляюсь к двери – секретарь бурчит что-то злобное и вскакивает со стула, – дергаю за ручку. Заперто.

До меня доходит не сразу.

– Давыдова нет на месте?

– Ну да! – возмущается девица. – Вам непонятно, что ли?!

– Вы не могли намекнуть, что он ушел?!

– А зачем? – удивляется девица. – Я же сказала: к нему

нельзя. Кто вы вообще такая?! Я на вас пожалуюсь в службу безопасности!

Чтобы слова не расходились с делом, девица хватается за трубку и, набрав когтями короткий номер, жеманно произносит:

– Радик, тут какая-то курица рвется к шефу... уведи её, ладно? Ага, как в тот раз, когда к нему пришла якобы залетевшая баба. Помнишь, которая просто денег хотела? Вот-вот. Эта похожа на неё!

Как в тот раз?!

Моему праведному негодованию нет предала, но дожидаться, когда меня уведут «как ту, которая якобы залетела», я не намерена. Поэтому быстрым шагом вылетаю из приемной и...

Натыкаюсь на мощное, не пропускающее тренировок тело. Тело берет меня в кольцо рук и пропихивает обратно в приемную со словами:

– Мария Олеговна? Ну, наконец-то! А я вас на первом этаже караулю, думаю, вдруг потерялись. Как вам первое впечатление о нашем скромном офисе? Пойдемте-пойдемте, я всё расскажу. Ирочка, завари мне кофе, а будущему главному бухгалтеру – зеленый чай без сахара.

А затем тело, принадлежащее моему бывшему мужу, исключительно своим напором, без рук, втаскивает нас обоих в кабинет, оставив секретаршу непонимающе хлопать ресницами.

Глава 3

Он помнит, что я люблю зеленый чай...

Эта глупая мысль – первая, которая проклевывается, когда за нами закрывается дверь, и я оказываюсь в роскошном кабинете генерального директора. Давыдов умеет сделать так, чтобы вещи вроде бы были обычные (нет ни позолоты, ни лепнины), но ты чувствуешь их стоимость. Например, массивный директорский стол или кожаный диванчик в углу – для гостей, – рядом с которым стоит кофейный столик.

Вроде бы классический интерьер, но от него веет богатством и силой.

Я сажусь напротив Влада, одернув юбку, и говорю со скептицизмом:

– У тебя очень приятная секретарша

– Ира? Ну да, она старательная. Ты на лифте ехала? Не понимаю, почему разминулись.

– Угу, на лифте.

– Я тоже, – хмыкает Влад. – Кто придумал ставить в одном здании два лифта? Ну, да ладно. Итак, обсудим условия?

Он подается вперед, чисто в начальственном жесте, складывает руки в замок, и я рассматриваю его пальцы так, будто вижу их впервые. Переплетения вен, что струятся от запястья и выше, под манжеты строгой рубашки. Застегнутые

пуговицы, под которыми скрывается каменный пресс.

Влад Давыдов всегда вызывал во мне неправильные мысли, но почему-то после развода они стали ярче и острее.

Он – акула бизнеса, но я тоже давно не институтская дура, поэтому качаю головой.

– Никаких условий раньше времени. Я всё ещё не уверена, что соглашусь работать на тебя. – Его взгляд ехиден, в нем читается «ну-ну, конечно», но я упрямо продолжаю. – Ты назвал сумму, от которой сложно отказаться. Допустим, мне даже захочется попробовать. А вот ты уверен, что я потяну вашу компанию? Не боишься облажаться?

– Заяц, неужели ты думаешь, что за то время, пока ты колебалась, я не пробил тебя вдоль и поперек?

Р-р-р, специально, что ли, выводит из себя?!

Какой я ему заяц? Я перестала быть зайцем, кроликом и другими длинноухими ровно в тот день, когда мы подписали заявление о расторжении брака.

«Триста пятьдесят тысяч», – проносится у меня в голове почему-то голосом Оли.

Вдох-выдох, Маша. Крепись.

– Во-первых, не называй меня так. Мы же договорились.

– Ах да, Мария Олеговна, извините, – прижимает он ладонь к губам, ничуть не смутившись. – А во-вторых?

– А во-вторых...

В эту секунду старательная Ира, виляя всем, чем можно вилять в двадцать лет, вносит поднос с двумя чашечками.

Кофе Давыдова идеален, нет никаких сомнений. А вот мой чай она явно перезаварила из вредности, потому что он темно-коричневого цвета. Но я важно отхлебываю и продолжаю диалог:

– А во-вторых, что ты выяснил?

– Ты пашешь в какой-то сомнительной конторке и занимаешься расчетами с клиентами. Впрочем, там ты работаешь последние восемь лет. Ни в чем противопоказанном не замечена, работник инициативный и исполнительный. Ты мне подходишь.

Он явно издевается, это чувствуется в сладких интонациях голоса Давыдова. Он похож на огнедышащего дракона, который заманивает наивную принцессу к себе в пещеру. Мол, у меня тут хорошо: золото, драгоценности, свеженькие скелеты рыцарей. Заходите, будьте как дома.

– Мы с тобой так давно не виделись, – напоминаю треснувшим голосом. – Ты меня совсем не знаешь. Я могу накосячить и пустить весь твой бизнес псу под хвост. Хотя бы из чувства мести или женской обиды.

– Слушай, ты первый кандидат, который на собеседовании пытается меня убедить *не брать* его на работу. – Влад залпом опустошает содержимое крошечной чашечки. – Пойдем, покажу тебе поле боя. Там и решишься.

Почему мне так страшно соглашаться?

Я без особого сожаления отставляю в сторонку свой чай, по вкусу напоминающий голую заварку, и покорно иду за Да-

выдовым. Тот ведет меня по широким коридорам, по всему этому безумию из зеркал, по гигантским офисам открытого типа, где как в муравейнике все работают, разговаривают, кому-то звонят и куда-то бегут.

Влад рассказывает мне о производстве, которое базируется в области, о штате программистов и о том, что его детище победило в номинации: «Продукт года». Здесь не просто создают бытовую технику, но уделяют особое внимание современным технологиям, инновациям, экологии.

А я иду и ловлю себя на мысли, что мне нравится его слушать. Как когда-то, при первом знакомстве, на свиданиях или в том же самом браке, когда Давыдов возвращался поздно вечером (скорее – рано утром) и за кухонным столом делился со мной всякими новостями. Тогда он только-только начинал, был молодым мечтателем, который вложил всё до последнего гроша в идею.

Мои родители говорили: «Маш, он тебя погубит, он прогорит, он оставит вас ни с чем, ещё и квартиру твою продаст».

А Давыдов дневал и ночевал на работе, с каждым днем поднимаясь всё выше по пищевой цепи. Превращаясь из маленького травоядного в опасного хищника.

Мне нравится его близость. Мы идем на расстоянии полуметра: достаточно, чтобы чувствовать его рядом с собой. Но не вызываяще, не вторгаясь в личное пространство друг друга.

Владу улыбаются молоденькие сотрудницы, ему пожимают ладонь мужчины в отутюженных костюмах. Он мимоходом задает кому-то вопросы и, получив короткие, точные ответы, удаляется.

– А вот наша бухгалтерия, – хищно улыбается Давыдов, толкнув дверь в очередное громадное пространство.

И я натываюсь на типичного бухгалтера. Знаете, такого карикатурного, как с картинки: в круглых очках, теплой кофте, с вьющимися короткими волосами цвета пожухлой ржи. Взгляд женщины вначале не выражает ничего, но когда она замечает Влада, то подскакивает с места и начинает ку-дахтать:

– Девочки, тут Владислав Евгеньевич пришел! Ой, а мы и не ждали вас. Чем обязаны?

Её наманикюренные пальцы поправляют прическу, а я тем времени фиксирую обстановку. Бесконечные папки, вроде бы отсортированные по годам. Куча счетов-фактур на одном столе, кипа договоров – на втором. Чайник, стоящий прямо посередине кабинета. Вазочка с печеньем.

– Валентина Дмитриевна, познакомьтесь: это, возможно, ваш будущий руководитель, – представляет меня Влад. – Сергеенко Мария Олеговна. Профессионал, бухгалтер от бога, человек-калькулятор.

Бухгалтерия замирает, словно десяток гремучих змей вытягивается в струнку при виде опасности.

– Оставить вас? – спрашивает у меня бывший муж, а в

глазах пляшут искры.

– Нет, спасибо. С коллективом познакомлюсь позже, – чеканю, отмечая, как женщины переглядываются.

Клянусь, они глазами показывают позы, в которых будут меня уничтожать. Видимо, они-то назначили негласным главарем эту Валентину Дмитриевну, а тут приперлась я, молодая и амбициозная (по их мнению).

Мы возвращаемся обратно в директорский кабинет.

– Что, боишься? – Влад опирается бедром на краешек стола. – Такие тетки и покусать могут. Неопытной девушке опасно находиться в коллективе сильных женщин.

Ах, на слабо взять решил?!

– Не боюсь.

– Пойдешь ко мне работать?

Пауза.

Сердце отстукивает удар за ударом. А у него так соблазнительно вздута вена на шее, что хочется коснуться её пальцами.

– Пойду.

Твердо. Решительно. Не давая себе возможности передумать.

Мне нравится это место. Нравятся истории Давыдова и его деловая хватка. Даже нравится закостеневшая бухгалтерия, из которой нужно вычесать вши.

– Тогда закрой дверь на замок, – нехорошо ухмыляется Влад. – Будем подписывать договор.

Я оглядываюсь на дверь, но не спешу исполнить указание. Сердце начинает отчаянно трепыхаться, и во рту пересыхает. Мне хватает полужабуры, чтобы додумать, домыслить, представить... и отшатнуться, боясь собственных желаний.

Потому что, Маша, мечтать о бывшем муже – табу. Фу-фу-фу. Нельзя. Во всех умных книгах по психологии пишут: «Никогда, ни при каких условиях, не вздумайте возвращаться к бывшему; даже на секунду, даже на полшишечки».

Я верю умным книгам, поэтому сглатываю и сажусь на стул, оставив дверь приоткрытой.

– А в серьезной компании не хотят для начала запросить мои документы? – добавляю голосу яду. – Или, например, дождаться моего увольнения с прошлого места работы? Ах да. В серьезных компаниях трудовой договор подписывает непосредственно руководитель? А как же кадровая служба, м-м-м, господин Давыдов? Или у вас нет кадровика? Всем занят бедный генеральный директор?

Влад нависает надо мной мраморной статуей. Древнегреческий бог и дьявол-искуситель в одном флаконе.

Пытаюсь вспомнить, а почему, собственно, мы расстались. Что за непримиримые разногласия между нами случились. Почему-то память меня подводит, зато его запах, пьянящий, дурманный, терзает ноздри.

– Ваша правда, Мария Олеговна, – соглашается Влад нехотя. – Не переживай, я тебя дождусь.

И звучит это ну очень неоднозначно. Не будь наше реше-

ние о разводе обоюдным, я бы начала фантазировать о том, как мы вновь сойдемся... прямо здесь... сейчас... смахнем со стола важные бумаги, целуясь, не находя опоры...

Но нет. Давыдов возвращается за стол, и мы недолго об-суждаем рабочие нюансы. Я ради принципа допиваю гад-кий чай и выхожу из директорского кабинета в растрепан-ных чувствах.

– Кстати, – уже на пороге вспоминаю я. – Как Алиса?

– Ложная тревога, – пожимает плечами Влад. – Три отри-цательных теста из трех.

– Понятно, – задумчиво киваю.

Кажется, Давыдов не очень-то рад тому, что сестру про-несло. Он сводит скулы как всегда, когда нервничает или злится. Или наоборот, отсутствию беременности он рад, а вот наличие у нее кавалера – не очень?

Я помню Алису совсем маленькой, пятнадцатилетней дев-чонкой, которая липла к старшему брату и запрещала ему общаться со мной. Мне нравилась её непосредственность, но представить Алису взрослой и почти беременной у меня не получилось.

Давыдов больше ничего не говорит.

– До свидания, Владислав Евгеньевич, – прощаюсь, за-хлопнув дверь.

Секретарша провожает меня отсутствующим взглядом.

Всё-таки Влад Давыдов – поразительный человек. Он не убеждал, не упрашивал, не надавливал. Я сама согласилась,

даже не поколебавшись. По щелчку пальцев.

Впрочем, будем честны: на предложенные деньги глупо не соглашаться. Отказаться от трехсот пятидесяти тысяч можно только в случае, если ты получаешь триста пятьдесят одну.

А близость к генеральному...

Что ж, будем бороться.

С ним... или с собой...

***

***

Остаток дня проходит в попытках безболезненно уволиться. Я возвращаюсь на работу и долго не решаюсь подойти к начальнице. Она – дама с характером, тяжелая, слышащая только себя. Я заранее предвкушаю тяжелый разговор.

Впрочем, разговор получился легкий. Только вот глупый – до беспредела.

Я стучусь и, получив разрешение войти, молча кладу заявление на стол начальницы. Она, тоже типичный бухгалтер, укатанная в шаль (на дворе, к слову, июнь), берет его кончиками пальцем и брезгливо произносит:

– Ну, нет, Маша, так дела не делают. Конец квартала, нам документы закрывать. Нельзя тебе уходить.

И возвращает заявление мне как какую-то гадость. Как использованный подгузник или пожеванную жевательную резинку.

– Так я же не об отпуске прошу. Я увольняюсь, – тычу

пальцем в сакральную фразу. – По собственному желанию. С двухнедельной отработкой.

– А я запрещаю тебе увольняться. Кто тебя заменит, ты подумала? Ирка пузатая ходит, Сашка в отпуске не была с того года. А ты – сразу увольняться? Тебе их не жалко вообще?

Наверное, мне должно стать стыдно. Наверное, в любой другой ситуации я бы потупила взгляд и сказала: «Простите, больше так не буду». Но я вспоминаю Давыдова, самоуверенного, гордого, не идущего на уступки. Разве бы тот сдался? Разве одобрил бы мой страх перед начальницей, которая тупо давит авторитетом? Привыкла, что мы ходим рядом с ней на цыпочках.

Хватит всего бояться. Пора становиться самостоятельной.

– Не жалко. Мне ваше согласие и не требуется. Я вас в известность ставлю. Через две недели меня тут не будет.

– Маша, да как ты смеешь...

Но, не слушая возмущений, я несусь в отдел кадров, чтобы там зарегистрировали моё заявление. Бегу по коридору, а на душе расцветает поразительная легкость. Мне хочется смеяться.

Давыдов бы похвалил меня!

Стоп. Хватит. Он – твой будущий директор. Он – твой бывший муж. Он не должен тебя нахваливать. Более того, тебе не требуется его похвала. Ты взрослая самодостаточная женщина.

Тогда зачем я набираю дрожащими пальцами смс?

Всё. Я отдала заявление.

Поздравляю. Буду ждать.

Успокаиваю себя тем, что просто сообщила будущему боссу о своих намерениях. Но, на самом деле, чувствую, что проблема куда глубже.

Мне просто хотелось написать Давыдову Владу.

Глава 4

Две недели пролетели незаметно. Я уволилась, забрала трудовую книжку, вдохнула свободы и внезапно осознала: всё, конец. Точнее – начало. Или всё-таки конец? Непонятно. Пути назад отрезаны, оглядываться бесполезно.

Мы с Олей празднуем мою недолгую безработную жизнь – уволилась я в пятницу, а на работу выходить только в понедельник – кремовым тортиком. Оля – безумная сладкоежка, она знает лучшие кондитерские города и постоянно тащит какую-нибудь вкуснятину, в которой калорий столько же, как в пяти килограммах мяса.

– Ну, за новые свершения! – Оля салютует мне кружкой, в которой болтается чайный пакетик. – Глядишь, и меня перетащишь к себе.

– Сомневаюсь, что Давыдову требуется парикмахер-универсал, – хмыкаю я, но Олька не сдаётся.

– Но-но. Вообще-то не парикмахер, а мастер по созданию образа. Нужно ему на деловую встречу? А я уже готовенькая, стою с ножницами и феном. В одном фартуке стою, между прочим.

Зная предприимчивость подруги, я даже не смеюсь. Она пробивная и способная пойти по головам, готовая на любые поступки. В отличия от меня, местами мягкой, сговорчивой.

Не представляю, как руководить целой службой?..

Вдруг у меня не получится? Там же устоявшийся коллектив, а я – незнакомый человек.

– Тяжело тебя отпустили? – спрашивает Олька, цепляя с тортика кусочек фигурного шоколада.

– Ну, как сказать. Девчонки сказали, что давно пора выбираться из этого болота. А когда начальница произносила последнее слово, у нее сорвался голос, и она расплакалась. Было ощущение, что меня хоронят, и сейчас вынесут кутью. Какая-то трагичная обстановка, если честно.

– Не люблю кутью, – морщится подруга. – Ладно, не парься. В понедельник приступать к новой должности, тебе не до переживаний. Готова?

Пожимаю плечами. Как можно быть готовой? Я в новый магазин-то стараюсь без надобности не ходить, а тут впервые за восемь лет сменить работу. Как будто прилюдно оголеться. Выставить себя на всеобщее обозрение.

– Кстати, а что Давыдов? Появился у него кто-нибудь?

Я наблюдаю за тем, как подружка облизывает ложку, и чувствую, что к горлу подкатывает ком. Дело в том, что целых две недели я героически не вбивала в поисковик: «Владислав Давыдов девушки», чтобы не обжечься и не огорчиться.

А вчера вбила...

Зачем-то...

На фото было какое-то мероприятие, и Давыдов прижимал к себе хрупкую брюнетку лет восемнадцати. У него сек-

ретарша старше. Брюнетка улыбалась, а он чуть склонился, шепча ей на ухо что-то непременно личное.

Я даже заголовок читать не стала, просто нажала на крестик и закрыла жуткую интернет-страницу.

На что надеялась? Непонятно. Не может у человека семь лет не быть женщины. Да и какой смысл расстраиваться, когда мне он давным-давно не принадлежит.

Наверное, все разведенные девушки остаются немного собственниками. Мол, я этого мужика однажды заклемила, он не должен никому принадлежать. Моё. Не отдам.

Глупо, конечно.

Но на губах сохранился его вкус, и ночами мне снятся длинные, глубокие поцелуи.

– Вроде бы у него есть девушка, – пожимаю плечами.

– Бли-ин, не успела. Я думала, чисто случайно встретить тебя после работы и... ну... столкнуться с Давыдовым. Ох, господин-директор, совсем вас не заметила.

Она картинно хлопает ресницами, а я не спорю, только бултыхаю пакетик в чашке. Оля никогда не нравилась Владу. Моя институтская подруга вызывала в нем легкое раздражение. Он, конечно, общению нашему не препятствовал, но всегда отзывался о ней исключительно нейтрально. Знаете, как о мертвецe: либо хорошо, либо никак. Давыдов предпочитал второй вариант.

А в итоге она единственная, кто остался со мной, кто помогал после развода прийти в себя, кто вытягивал из после-

дующих неудачных отношений. Другие подружки отсеялись: одни вышли замуж, вторые нарожали детей, третьи умудрились преуспеть и там, и там.

Я помню, как однажды, на чьем-то дне рождения, впервые ощутила себя лишней. Подруги обсуждали правильное детское питание. Хвастались заработками мужа, будто своими собственными. А у меня на тот момент никого не было. Только нелюбимая работа и кошка-Маруся.

И одна из подружек, Рита Иванова, сказала с наигранной радостью:

– У тебя тоже кто-нибудь появится. Только не отчаивайся. Может, тебе на сайте знакомств зарегистрироваться? Или запросы снизить?

А девочки синхронно покивали, мол, отличная идея.

И я внезапно осознала, что со мной общаются из жалости. Из жалости зовут в гости (*ну а кому она нужна, унылая такая?*), из жалости находят кавалеров (*пусть гулящий и безработный, зато живой мужик*), из жалости вешают лапшу на уши.

Для них я грустная тридцатилетняя разведенка. Незамужняя и бездетная, а потому опасная. Ибо могу в любой момент поманить их бесценных мужей пальчиком. Мне же нечем заняться. Я же беспринципная.

Короче говоря, пришлось от «друзей» отказаться.

Олька не такая. С ней можно оставаться собой.

– Кстати! – хлопает она в ладоши. – Ты ж сейчас как най-

дешь симпатичного парня, как выскочишь за него замуж! На новой работе это запросто делается. Глядишь, и мне кого-нибудь присмотришь. За новых мужиков!

И мы чокаемся кружками с пакетированным чаем.

За новых мужиков.

Даже если душа требует старых.

***

Первый рабочий день проходит суетливо, заполошно. До обеда я заполняю всякие документы – договоры, соглашения, анкеты, – как будто устраиваюсь в ЦРУ. В одном из бесконечных бланков меня просят указать всех бывших и нынешних мужей, и я размашисто ставлю в графе прочерк.

Незачем кому-то знать про Давыдова. Не было его в моей жизни. Ничего не знаю, я дама свободная, почти невинная.

Мне показывают мой новый кабинет, небольшой, но уютный. На стене – лесной пейзаж. Стены выкрашены в нежно-желтый цвет. Через панорамное окно просматривается оживленная улица. Я усаживаюсь на кожаное кресло, выдыхаю и внезапно осознаю: я – главный бухгалтер.

По-настоящему. Без шуток. В моей трудовой книжке так и написано: без шуток, главный бухгалтер.

Мамочки!

Так, не дрейфь, Маша. Ты справишься. А если нет, отработаете месяц, получишь кучу денег и уволишься.

– Каждый понедельник в десять утра у нас общее директорское совещание, – заглядывает в кабинет моя секретар-

ша, Катенька. – Но Владислав Евгеньевич не хотел тревожить вас в день оформления, поэтому зовет к трем часам.

Представьте, у меня есть собственная секретарша! Она хорошенькая, тоненькая, ответственная и постоянно хмурит брови, пытаюсь впитать в себя вообще всю информацию. В её руках – исписанный блокнот, за ухом – черная ручка. С самого утра Катенька ходит за мной по пятам, помогая освоиться.

– Спасибо, – улыбаюсь. – Позови ко мне девчонок, будем знакомиться.

Она на меня так странно смотрит, будто я назвала «девчонками» стадо голодных медведей. Но опасно кивает.

Коллектив бухгалтерской службы состоит из пятнадцати разновозрастных женщин: от двадцати трех лет до бесконечности. Самая старшая, там самая Валентина Дмитриевна, даже не пытается изобразить приветливость. Она кутается в шерстяную кофту – напоминаю, на улице июнь! – и на все мои вопросы отвечает односложно, с плохо скрытой обидой. Остальные поприветливее, но чувствуется, что отношение ко мне напряженное.

Конечно, приперлась тут какая-то краля, заняла кабинет с огромными окнами.

Ладно, я сама так же отношусь к новым людям. Притремся.

Я запрашиваю у «девочек» отчеты о работе, чтобы знать, кто чем занимается. А потом долго-долго копаюсь в папках,

пытаясь понять, где и что находится. Короче говоря, совсем забываю, когда время подходит к трем часам.

– Вы опаздываете!!! – Катенька забегают в кабинет в таком ужасе, будто я на собственные похороны припозднилась. – Владислав Евгеньевич не любит ждать!

М-м-м, я в курсе. В нашу бытность я периодически забывалась и приезжала куда-нибудь на полчаса позже, а Влад обещал повесить мне на шею будильник. Он – пунктуальный человек, дорожающий каждой минутой своего времени.

Ну, пусть знает, кого взял на работу. Люди не меняются. Я как была кулемой, так и осталась ею.

Сегодня помощник руководителя не мешает войти, да я и не спрашиваю разрешения. Открываю дверь и натываюсь на Влада, который, по всей видимости, планировал выйти. Несколько секунд мы так и стоим, вжатые друг в друга. А затем он цапает меня за талию и закрывает кабинет... правильно, на замок.

Исполнил-таки угрозу.

– Хорошо, что ты пришла. Как раз собирался тебя искать. Нам нужно серьезно поговорить, – произносит мрачным тоном.

– Что-то случилось? Ты меня увольняешь? Уже?

Давыдов не улыбається, и мне становится не по себе.

Ну и где я успела накосячить?!

– Присаживайся, – Влад отходит в сторону, а я плюхаюсь на стул, отвожу прядь волос в сторону. – Как твое первое

впечатление?

– Ничего непонятно, но очень интересно, – нервно фыр-каю, наблюдая за тем, как бывший муж ходит по кабинету, закусив щеку. – Я успела немного осмотреться. Даже толком в бумагах не разобралась, некогда было. Да что с тобой?

– Я не хотел так сходу погружать тебя в свои проблемы, но если начистоту, то мне требовался человек не только из-за ухода главбуха. Ты же понимаешь, я не каждому плачу по триста пятьдесят тысяч. Но твой случай особенный, – Влад выдерживает паузу. – Я подозреваю, что кто-то проворачивает сомнительные схемы за моей спиной, но поймать этого человека не могу. Внешне всё чисто. Мы теряем огромные деньги, лишаемся поставщиков и клиентов, но у меня не получается зацепиться за детали. А сегодня мне сообщили, что ещё одни серьезные партнеры внезапно решили отказаться от контракта. Просто так. Без объяснения причин.

Давыдов разражен, я ощущаю телом, как его энергетика бурлит, нагревается, заполняя собой пространство. Он умеет держать себя в руках и никогда не сорвется, но я считаю его эмоции как свои собственные. Каждый вдох. Каждое слово.

Я помню его. Интуитивно. Внутренне. На уровне привязанности, какая бывает между близкими людьми.

– А почему ты думаешь, что тут замешана бухгалтерия? – Задумчиво постукиваю пяткой по полу.

– Я не думаю, я уверен, что проблема более глубокая, чем

потеря контрагентов, и ты, как лицо стороннее, увидишь какие-нибудь странности. Ты – тот человек, который может залезть в любые бумаги, и его никто не заподозрит. А ещё ты очень наблюдательная и смотришь на ситуацию глубже, чем большинство людей, – Влад шумно выдыхает. – Кстати, ты забыла указать меня в анкете.

– Не стоит благодарности.

– Благодарности? Может быть, я опечален тем, как легко меня вычеркнули из жизни.

Он подходит ко мне вплотную, встает за моей спиной, и тяжелая рука ложится на моё плечо. А я не знаю, что испытывать. Мне одновременно хорошо и так плохо, что хочется свернуться калачиком. Потому что его издевательства – а он неприкрыто издевается! – до сих пор могут меня ранить.

Оказывается, я не перегорела.

Не научилась быть сильной.

Семь чертовых лет прошло, а мои щеки всё ещё вспыхивают, стоит Владу оказаться рядом!

– Мы договаривались – никаких поползновений, – чеканю слова, дернувшись. – Если тебе нужна моя помощь, держи себя в руках. Я не одна из твоих баб, чтобы ты мог меня лапать.

Он недоуменно поднимает бровь, но никак не комментирует столь ценное замечание.

– Мне нужен доступ ко всем базам, – продолжаю уже спокойным тоном. – А ещё... Давыдов, с чего ты взял, что я до

чего-то докопаюсь? Перед тобой бухгалтер, а не частный детектив.

– Маша, не спорь. Ты – единственный человек, которому я могу довериться, – Влад даже не язвит; он серьезен в своих словах. – Слушай, почему ты до сих пор не вышла замуж?

Не вопрос – удар под дых. Бум, и я образно лежу, нокаутированная по самые уши.

Вообще-то у женщин слегка за тридцать неприлично спрашивать такие вещи.

Почему-почему...

– Потому что после замужества с одним товарищем у меня дикая аллергия на брак, – язвлю и поднимаюсь со стула. – Напоминаю: мне нужен доступ ко всем базам. Ах да, будут ещё какие-то указания? Босс?

– Нет, – качает головой Влад, и взгляд его сосредоточен, как будто мужчина что-то усиленно просчитывает внутри себя. – Рабочие вопросы обсудим завтра. Спасибо.

Я не отвечаю.

«Почему ты до сих пор не вышла замуж?»

Потому что в сравнении с Владом Давыдовым последующие парни проигрывали по всем параметрам. Потому что я на долгие семь лет погрузилась в анабиоз и толком никого к себе не подпускала.

Потому что я всё ещё равнодушна к нему.

Кажется.

Глава 5

Итоговая бухгалтерская отчетность чиста, не подкопаешься. Но вот промежуточные данные, из которых строятся расчеты, находятся в таком хаосе, что у меня волосы шевелятся, когда я лазаю по компьютеру. Куча папок, внутри по двадцать версий файлов, причем некоторые названы так, что шпион не разберется: «важажа», «ыовоа», «какой-то важный документ 14».

Моя бывшая начальница убила бы за такое отношение к бумагам. Она ежедневно проверяла все наши папки и устраивала выволочку, если находила что-то не то. Меня это, конечно, бесило, но благодаря её педантичности я и сама стала относиться к документам строго.

А тут... матушки...

– Катюш, тебе кто-нибудь передавал план работ? Мне на почту только четверо отправили, – я заглядываю в приемную к секретарю, и Катенька качает головой.

– Отдавали Наташа и Люба. Поторопить остальных?

– Да, спасибо.

Мне, конечно, не хочется быть строгим руководителем и первый день начинать с претензий, но что сложного в том, чтобы представить отчет о своих же обязанностях?

Я же никого не знаю и хотя бы примерно должна понимать область деятельности.

Но Катенька возвращается понурая и говорит:

– Я не жалею, если что, но девочки сказали, что им некогда.

Я даже представила, каким конкретно тоном – желчным, язвительным – они это сказали. Мол, если новая начальница хочет, пусть сама и узнает.

Ладно, мы не гордые.

Я захожу в бухгалтерию и обращаю свой взор на Валентину Дмитриевну, которая прихлебывает кофеек, пялясь в экран телефона.

Да уж, сразу видно: по горло в задачах. Не продохнуть.

– Кхм-кхм. Не хотела бы отвлекать вас, – оглядываю кабинет, – но мне очень нужны отчеты. Потратьте, пожалуйста, пять минут времени на их заполнение...

– Вообще-то у нас есть другая работа, – скрещивает руки на необъятной груди Валентина Дмитриевна, радостно вступив в бой. – Если мы будем выдумывать отчеты, когда заниматься основной деятельностью?

– Как мы опишем всё, что выполняем? Я целый день что-то делаю! Что я напишу? Сорок минут проверяла акты за другие службы, потому что они все раззявы?! – истерично поддакивает ей рыжеволосая женщина из угла кабинета.

Видимо, у них тандем.

Я вздыхаю:

– Хорошо, не надо ничего писать. Давайте поговорим прямо сейчас. Валентина Дмитриевна, начнем с вас?

– Я – заместитель главного бухгалтера, у меня море заданий. Непочатый край! Вон, кофе допить не успеваю. – Она обводит руками заваленный бумажками стол. – Вообще-то я выполняю все распоряжения руководства. Это для начала.

– Хорошо, допустим, сегодня я не давала вам никаких распоряжений. Чем вы занимались?

Женщина начинает багроветь: от подбородка до самых очков. В кабинете становится очень-очень тихо. По-моему, сейчас рванет.

Я невольно сглатываю и думаю, как бы отшутиться, но потом вспоминаю о новой должности и о том, что надо быть сильной женщиной, а не тряпкой.

Соберись, Маша.

– Вы намекаете, что я бездельничаю?!

– Нет, я хочу узнать, чем *конкретно* вы занимались.

– Это вопиюще... Марина никогда не задавала мне таких оскорбительных вопросов... ладно, если вы *так* хотите знать...

Ну а дальше она пытается родить задачи, которых в глаза не видела – чтобы я не догадалась, что заместитель главного бухгалтера целыми днями смотрит видео про котиков или гоняет чай.

Стоит ли говорить, что беседа занимает целый час, потому что Валентина Дмитриевна со своей подружкой саботируют процесс, тяжело вздыхают, сопят и тянутся к тонометрам, ибо у них подскочило давление от "постыдных допросов"?

Но, в целом, картина не плачевная. Я начинаю понимать, за кем и что закреплено. Знакомлюсь с людьми. Киваю, улыбаюсь. С этим можно жить. С бездельницами разберемся позже.

Интересно, почему их не погнала бывшая начальница?

...Я задерживаюсь на работе допоздна. Катенька уже убежала и даже вырубилa в приемной свет, а я сижу, уставившись в монитор, и пытаюсь собрать мысли в кучку. Тяжело. Непривычно. Всё новое, незнакомое, сложное. А спросить некого – иначе посчитают недалекой.

Дверь приоткрывается, и внутрь заглядывает Давыдов. Видимо, он уже уходил, потому что в руках у него ключи, на голове – солнцезащитные очки, которые плохо гармонируют с костюмом от какого-то известного бренда. Не знаю, какого именно. Но его известность чувствуется за версту.

Машинально смотрю в окно. Алое закатное солнце слепит глаза.

Согласна, очки не будут лишними.

– В службе безопасности сказали, что ты осталась жить в офисе, – хмыкает Влад. – Уютненько у тебя тут, почти домашнему. Чем занята?

– Пытаюсь разобраться в бумагах.

Он стоит на пороге, поигрывая связкой ключей, как будто элитный завхоз.

– Хватит работать. До завтра ответственная миссия подождет. Подвезти тебя?

– Нет, спасибо, езжай. Я закажу такси.

Стараюсь не поднимать на него взгляд, но чувствую пристальное внимание. Жгучее. Сканирующее насквозь. На такое способен только Владислав Давыдов.

– Знаешь, мне тебя не хватало.

Он говорит это с такой легкостью, словно рассказывает, что съел на завтрак. «Мюсли, стакан свежевыжатого сока, ах да, я по тебе скучал». Мне всё-таки приходится поднять голову, чтобы выпученными глазами посмотреть на этого возмутительного мужчину.

Что он вообще несет?!

– В смысле?..

– Сложно объяснить. Но когда ты рядом, у меня лучше генерируются идеи. Поехали домой, Маш.

Половина меня пытается сопротивляться, да только бесполезно. Пальцы уже кликают мышкой на кнопку «Завершение работы», и монитор гаснет.

Поехали домой...

Как когда-то давно, когда дом был общим, пусть небольшим, но нашим.

Мы спускаемся в подземный паркинг, полупустой, не считая нескольких дорогих, представительских тачек. Думаю, каждое такое авто стоит больше, чем моя квартира и обе почки (тоже мои).

– А вдруг нас увидит кто-то вдвоем? – спрашиваю с опаской. – Пойдут нехорошие сплетни.

– Ты же сама знаешь, что мне плевать, – меланхолично отвечает Давыдов, распахивая передо мной дверь, и добавляет мурлыкающе: – Маш, рванем в ресторан? Отпразднуем первый рабочий день.

– Я не хочу с тобой в ресторан, – пресекаю сомнительные попытки на корню.

– Тогда поехали ко мне, – не отчаивается мой босс, а по совместительству бывший муж.

Которого, по всей видимости, плохо лупили в детстве.

Во мне закипает праведное негодование. Наверное, со стороны я похожа на Валентину Дмитриевну, потому что точно так же скрещиваю руки на груди (к сожалению, объятной) и точно так же пунцовею.

– Ты спятил?!

Кого-то сейчас будут бить. Усиленно. Всеми подручными средствами.

Но Давыдов громко фыркает, и я понимаю, что его слова – лишь очередная попытка раздраконить меня. Вывести на эмоции. Довести до ручки и посмотреть на то, как я разрываюсь атомной бомбой.

– Сергеенко, ты ведешься точно так же, как раньше!

– А ты бесишь даже сильнее, чем раньше, – ворчу, отвернувшись к окну.

Можно, конечно, изобразить возмущение, выбежать из машины и вызвать-таки такси, но, во-первых, двери предусмотрительно заблокированы, а во-вторых, какой в этом

смысл? Ну, проявлю свой дурной характер. Останусь на улице. Докажу Давыдову: тот не зря развелся с истеричной бабой.

Нет уж, пусть везет, раз обещал.

– Нам нужно установить границы, – добавляю усталым тоном тридцатилетней зануды. – Влад, я так не смогу. Может быть, для тебя ничего не изменилось, но мне неприятны твои шуточки. Мы взрослые люди, у нас обоих есть личная жизнь. Хотя бы из уважения к нашим партнерам – не приставай ко мне.

Нагло вру, ибо *наши* партнеры – это бесконечные девушки Давыдова и полное отсутствие мужчин у меня.

Сходить на свидание, что ли?

Правильно Олька говорит: развеяться, найти какого-нибудь симпатичного парня и уйти в любовный загул. Не колушать давно затянувшуюся рану под названием «Влад Давыдов», а увлечься кем-нибудь свеженьким.

– Понял. – Влад даже не смотрит в мою сторону, он полностью увлечен вечерним шоссе. – Извини, не думал, что тебе неприятно.

– Угу.

– Так значит, у тебя есть бойфренд? – задает очередной провокационный вопрос. – Или как это называется у взрослых девушек? Жених? Любовник?

– Да, да, да, – важно соглашаюсь. – У меня есть бойфренд, жених и любовник. Всё это разные люди, конечно же.

– Моё уважение, – он хмыкает, сильно крутанув руль, и мы змейкой лавируем среди машин.

– А у тебя? Пассия, невеста, любовница?

– Нет, нет, нет.

– Пряма совсем-таки нет?

Меня подмывает напомнить про интернет-новости, где мелькала его довольная физиономия рядом с другой не менее довольной физиономией женского пола.

Впрочем, что мешало им расстаться?

Или Влад Давыдов – тот мужчина, который всегда якобы свободен. Будь у него три девушки одновременно, четвертой он скажет: «Эх, я совсем один, кто бы обогрел меня и накормил борщом».

Что я вообще знаю про бывшего мужа? В кого он превратился после нашего развода?

– Пряма совсем, – не особо печалится Влад, вжимая в пол педаль газа, и мы рвемся вперед, обогнав какое-то заниженное авто, дымящее из выхлопной трубы как паровоз. – Знаешь ли, мой график работы не позволяет ходить на свидания.

– Ищи девушек прямо в офисе.

– Нет уж, заводить отношения на работе – это потерять всех грамотных специалистов, когда мы расстанемся, а они с горя уволятся. Я вообще не понимаю, как мы с тобой умудрились сойтись? – оборачивается и вдумчиво изучает мой профиль. – Я же всегда был помешан на работе. Не помню ни одного дня, когда бы вовремя вернулся домой. Как ты меня

терпела?

– Я тебя не терпела, – пожимаю плечами. – Я тебя ждала. От этих слов становится очень больно.

Потому что впервые они произнесены вслух.

...Мы познакомились на чьем-то дне рождения, куда с трудом затащили Давыдова. Мне с первого взгляда жутко понравился сосредоточенный красавчик. Он отличался от парней-однокурсников. У него была цель, он пробовал себя в бизнесе. Не кичился телефонами или тачками, как сверстники.

Он сделал первый шаг: нашел меня в социальной сети. Я сделала все последующие: намекнула на свидание (*просто погуляем, ничего такого*), уговорила съехаться (*так будет удобнее, не придется кататься друг к другу*), предложила пожениться (*у нас всё равно общий бюджет, что нас оставливает?*)

Сейчас я понимала, что поступала эгоистично и глупо. Эти отношения были нужны мне самой. Я втянула в них человека, незаинтересованного, который просто соглашался, чтобы от него отвязались. Давыдов инициативу особо не проявлял. Конечно же, его никто не заставлял. Я ему нравилась, возможно, он даже любил меня. По-своему. Но работу он любил сильнее.

Последний шаг тоже сделала я.

– Давай разведемся? – спросила тем ранним утром, когда проснулась в пустой кровати и обнаружила Давыдова за но-

утбуком.

Он по обыкновению работал. А я внезапно поняла, что больше так не могу. Мне надоело ждать. Надоело придумывать оправдания. Надоело ужинать в одиночестве и в компании друзей всегда находиться одной. Меня спрашивали:

– А где Владик?

А я отвечала с непроницаемым лицом:

– Ой, у него важное дело. Он очень расстроился, что не смог прийти.

На самом деле, Давыдов не был расстроен – он даже не знал про очередную встречу. В какой-то момент я перестала его спрашивать, потому что ответ был неизменным: «Извини, заяц, но мне некогда».

– Разведемся? – Влад уставился на меня красными от вечного недосыпа глазами, что-то обдумывал всего секунду и заключил: – Давай.

Вот так просто. Наш брак закончился так же легко, как и начался. Мы подали заявление и разошлись без каких-либо претензий. Ни скандалов, ни попыток вновь сойтись, ни дела имущества. Разве что кошку я забрала. Из вредности и дурного характера.

– Я раньше не задумывался, что ты всегда тянула наши отношения, – произносит он сейчас. – Только после развода понял, сколько всего ты сделала для нас. Наверное, я был полным козлом.

– Не-а, ты был увлечен работой. Всё нормально. Не пере-

живай.

Мы уже подъезжаем к моему дому, и эта мысль успокаивает. Мне не нравится возвращаться в прошлое. Тонуть в нем, захлебываясь. Вспоминать свои позорные слезы и часы ожидания, когда я ещё верила: всё наладится, он скоро придет, а летом мы обязательно съездим в отпуск.

Прошло так много лет, а у меня до сих пор незалеченная травма. Если мой новый парень опаздывает на свидание или задерживается на работе, я начинаю сходить с ума. Я кручу в голове ненормальную мысль: «Я ему не нужна... всё повторится... ему плевать на меня...»

Поэтому хорошо, что мы замираем возле моего подъезда, и нет необходимости продолжать разговор. Осталось только выйти и...

– Знаешь, я не хотел разводиться и до сих пор жалею об этом, – глухо произносит Влад, когда я собираюсь вылезти наружу. – Но всегда понимал, что для тебя так будет лучше. Тебе нужен нормальный муж, а не теоретический. Который вроде бы есть, а вроде бы постоянно где-то шляется.

ЧТО?!

Не хотел разводиться?!

То есть я не спала ночами, прокручивая в голове его спокойное «давай», а он до сих пор жалеет о чем-то?! Через семь лет?!

Да он смеется...

Я не смотрю на Давыдова, потому что понимаю: не смогу

удержать себя в руках. Мне требуется собрать в кулак всю силу воли, чтобы ответить сухим, лишенным эмоций голосом:

– Да, так было лучше для нас обоих. Увидимся завтра, – и вылезти из автомобиля, не хлопнув дверью, а осторожно закрыв её.

Я даже умудряюсь дойти до подъезда без единой запинки. Собранная, прямая, сосредоточенная. Девушка, которую не могут ранить слова бывшего мужа.

Но, едва я ступаю на первую ступеньку лестницы, начинаю реветь. И рыдаю бесконечно, не сдерживаясь, до самого четвертого этажа.

Глава 6

Заплаканное существо в зеркале хочется придушить на месте. Опухшая, глазки-щелочки, волосы включены. Как в таком виде идти на новую работу и смотреть в глаза боссу, который до сих пор способен довести тебя до истерики?

Я прорыдала всю ночь напролет. Сначала ещё пыталась успокоиться, но потом поняла – бесполезно. Проще выплакаться и навсегда отпустить ситуацию.

Зачем он так поступает со мной? Ранит наотмашь, бьет в самое сердце.

Неужели не понимает, что через семь лет после развода нельзя говорить такие вещи?

И что значит «до сих пор жалею»? Он всех девушек сравнивает со мной? Или думает, что было бы неплохо начать сначала? Или попросту испытывает муки совести за то, как разошелся с первой женой? Мол, жалко её, болезную, совсем одна осталась.

Мне не нужна его жалость.

Мне хватило жалостливых «подруг» с их ободряющими речами: «Ничего, сейчас и в сорок лет рожают! Не думала для себя ребеночка завести?»

От подруг я благополучно отказалась и, если понадобится, откажусь от Давыдова. Плевать на работу, на лакомую должность, на постыдную запись в трудовой книжке, если

увольюсь через неделю после трудоустройства. Я не останусь с ним на одной территории, если он продолжит вторгаться в мое личное пространство.

Отныне – исключительно рабочие отношения.

Ни единого стороннего слова.

Ни единого взгляда.

Он – мой руководитель, а я – его подчиненная.

Что может быть проще?

Всё утро Катенька посматривает на меня с опасением и каждые пять минут предлагает заварить кофе. Наверное, ей кажется, что у начальника была бурная ночь, а потому и вид соответствующий – помятый и плачевный.

Но есть и хорошая новость: злость, перемешанная с застарелой обидой, помогают мне в работе. Сегодня я изучаю документы не рассеянно, а с хваткой настоящего аудитора. Тут неточность в подсчетах, тут недочет, тут не прослеживается связь. А тут, ужас какой, орфографическая ошибка!

– Попросите снабженцев переделать письмо, – отдаю исчерканный ручкой лист Катеньке, и та с уважением (или страхом?) смотрит на меня.

Раньше я не задумалась, во скольких документах требуется подпись главного бухгалтера. Оказывается, их носят пачками! Все службы! По пять раз на дню!

– Прошлый руководитель накапливала документы до обеда, а подписывала после двух часов дня, – подсказывает Катенька, наблюдая за тем, как я закапываюсь в письмах.

– Прошлый руководитель была мудрой женщиной, пожалуй, последую её опыту, – радостно соглашаюсь я и откладываю бумаги подальше. – Что ещё обычно на повестке дня?

– Совещания, – Катенька вздыхает. – Сплошные совещания, если честно. Мы иногда Марину Игоревну днями не видели. А ещё...

В этот момент дверь распахивается, и на пороге застывает мужчина. Ну, очень интересный мужчина. Олька бы сказала: «вкусненький». Под два метра ростом, аристократичный блондин с правильными чертами лица. Такой тип мужчин, которые, даже одетые в строгий костюм, вызывают неприличные фантазии.

– Здравствуйте, Дмитрий Иванович, – вспыхивает до корней волос Катенька и спешно убегает из кабинета.

Э-э, предательница. Оставила меня один на один с человеком, источающим чистые, незамутнённые флюиды. Мне кажется, или в кабинете стало жарко?

– Добрый день. Мария Олеговна, главный бухгалтер, – поднимаюсь я, а мужчина качает головой.

– Зачем так официально? Дима, директор экономического сектора. Мы с вами часто будем видеться, как-никак смежные службы. Вот, решил представиться лично.

Он присаживается напротив меня и широко улыбается, обнажив белоснежные зубы. Как Чеширский кот. Я тоже улыбаюсь (как опухшая ведьма). На его запястье – дорожные часы, на безымянном пальце левой руки – перстень в

виде гайки.

– Приятно познакомиться. Вы по какому-то рабочему вопросу?

– Нет-нет, просто показаться. Как я могу приставать к человеку с рабочей чепухой на второй день?

Его губы вновь расплываются в теплой улыбке, а я мысленно гадаю, скольких девушек этот «Дима» успел охмурить? Понимаю реакцию Катеньки, которая ужом выскочила из кабинета. Мне самой хочется покраснеть и похлопать ресничками.

Хочется, но я сдерживаюсь.

Не по статусу.

– Как вы, осваиваетесь?

– Да, понемногу...

– Если что, обращайтесь по любому вопросу. Всегда подскажу. – Он вытягивает визитку и кладет на стол, указав пальцем на нижний номер телефона: – Это личный, звоните и днем, и ночью.

Вау!

Этот важный, большой директор непрозрачно намекает мне... на что, интересно? Мои фантазии скачут галопом.

А потом я вспоминаю, что вообще-то основатель компании, генеральный директор, первое во всех отношениях лицо – мой бывший муж. Что на порядок выше какого-то там Димы.

И это лицо, мать его за ногу, до сих пор жалеет о разводе.

Баран он, а не лицо.

Меня опять начинает давить злость, и я, как крайне нелогичная девушка, решаю этой своей злостью напитаться. А потому беру визитку и кокетливо отвечаю:

– С удовольствием воспользуюсь вашим предложением... при необходимости.

Сергеенко! Маша, что же ты творишь! А главное – ради чего?! Кому от твоей мстительной дурости будет лучше? Кого ты собираешься обидеть, заигрывая с незнакомым мужчиной?

Но дело сделано, обратного пути нет. Не верну же я визитку со словами: «Ой, что-то передумала, вообще-то я не такая. Простите меня, дяденька. Тупанула».

– Мария Олеговна, – Катенька просовывает в дверной проем один только нос, – я не хотела бы вас отвлекать, но Владислав Евгеньевич вызывает. Срочно.

А не пойти бы Владиславу Евгеньевичу...

Я так тщательно планирую маршрут, по которому конкретно стоит отправиться моему боссу-бывшему, что ненадолго зависаю.

– Ладно, не буду вас отвлекать. Ещё встретимся, – третья обворожительная улыбка от Дмитрия как-его-там-со-всем-забыла-отчество.

Мы вместе выходим из кабинета, но расходимся по разным концам коридора. Дима подмигивает мне напоследок, а я вновь наивно хлопаю ресницами. Исключительно из необ-

ходимости как-то отреагировать.

– Вызывали? – бурчу, ворвавшись в кабинет Давыдова.

Кстати, его цербер-секретарша пыталась что-то вякнуть про «директор очень занят, подойдите позже», но я решила, что мне глубоко начхать на чью-то занятость. Я пришла. Получите-распишитесь.

Кажется, всё-таки стоило подождать...

Потому что Влад обнаруживается сидящим на кожаном диванчике, а в его крепких объятиях рыдает та самая брюнетка с фотографии. Сцена максимально интимная. Я тут лишняя. Мне физически некомфортно находиться с ними в одном помещении.

Брюнетка смотрит на меня с неодобрением, и я не придумываю ничего лучше, чем позорно выйти, хлопнув дверью.

– Я же говорила. Надо было дожидаться разрешения, а не лезть напролом, – доносится вслед ленивое секретарское, но у меня нет желания реагировать на её пассивную агрессию.

Перед моими глазами заледеневаает сцена: Давыдов и девушка, которая так хорошо смотрится в его руках.

Как влитая.

***

Так, собраться. Привести себя в чувство. Навесить безразличное выражение. Вдох-выдох. Какая тебе разница, кого зажимает Давыдов в своем кабинете? Хоть целый отряд моделей – тебя это волновать не должно.

Но меня задело не наличие брюнетки. Меня задело то, как

правильно они выглядели вместе. Идеально. Безукоризненно.

Наверное, нечто похожее испытывает преданная фанатка, когда впервые видит своего кумира с невестой. Она вроде бы всегда понимала: им не быть вместе – но реальность происходящего ломает её розовые очки. Разбивает вдребезги.

Вот и я поклялась отстраниться от Влада Давыдова, но почему-то не смогла выдержать даже секунды наедине с его настоящим.

Мне всё ещё больно находиться с ним рядом.

Особенно – после его ненатуральных вздохов и сожалений.

Но как же тупо это выглядело со стороны! Я убежала как оскорбленная девица, которая застала жениха в пикантной ситуации. А ведь ничего пикантного не было! Ну, обнимаются они. Ну, рыдает на его широкой груди.

М-да. Пора сесть на успокоительные таблетки. В последние дни моё настроение скачет, как будто в припадке ПМС.

Звонок городского телефона отвлекает меня от самобичевания.

– Ты можешь возвращаться, – говорит Влад. – Мы закончили.

– Спасибо за разрешение.

Я вешаю трубку и думаю: идти или переждать, а то вдруг ему отдышаться надо, привести себя в порядок, рубашку застегнуть опять же?

Ой, всё. Хватит заниматься беготней за собственными тараканами. Встала и пошла.

Я захожу и...

Девушка никуда не исчезла. Она всё так же сидит на диванчике и вытирает бумажным платочком глаза. Давыдов переместился в своё кресло. На его рубашке – следы недавних слез.

М-м-м, может, мне ещё раз выйти?

– Стоять! – читает мои мысли Давыдов. – На всякий случай представлю вас. Вдруг запамятовали. Маша, моя бывшая жена, – ухмыляется Влад (да как он смеет, почему сразу вывалил наше прошлое как грязное белье?!) – Алиса, моя бедовая младшая сестра.

Что...

Я застываю на месте и тупо пялюсь на девушку, в которой только сейчас начинаю узнавать знакомые черты. Мамочки, как же она изменилась. Из нескладного подростка превратилась в настоящую красавицу. Волосы перекрасила, сменила стиль одежды, начала ярко краситься. Кажется, даже губы накачала, потому что у неё были тоненькие-тоненькие. А ещё заметно похудела. Прежняя Алиска любила чипсы и налегала на газировку, а в нынешней килограмм сорок живого веса.

Другой человек. Ей не дашь её реальных лет. Юная девочка, вчерашняя школьница. А она...

Совсем взрослая, надо же.

Вот так позор.

Маша, блин!

– Привет! – машет мне Алиса платочком. – Я тебя, блин, вообще не узнала!

– Я тебя тоже...

– Меня парень кинул, прикинь? – бесхитростно вываливает она.

– Опять, – вздыхает Влад. – В пятый раз за месяц.

– Отстань, тебе не понять, – она вновь начинает всхлипывать. – Ты – бездушный чурбан. Деньги-деньги-деньги, вот что тебя волнует! Я права, Маш?

Я хмыкаю. Алиса живет эмоциями. У нее всегда их было много, самых разных и непредсказуемых. Правда, раньше мы особо не ладили: Давыдова-младшая считала меня злой-нехорошей разлучницей, из-за которой её ненаглядный брат почти не бывает дома. Как оказалось, разлучница – его работа, а я так, на подхвате.

– Вообще-то я рациональный.

– Ты унылый! От тебя даже жена сбежала неспроста... – продолжает она и вдруг ойкает, как будто сказанула лишнего.

– Ну, я не сбежала. Мы развелись по обоюдному согласию.

Я тоже сажусь, закидываю ногу на ногу. Наблюдать за парочкой Давыдов-Давыдова внезапно весело. Они различаются во всем. Даже темпераментом не похожи друг на друга. Неудивительно, что я всерьез посчитала её очередной пас-

сией – не могут два таких разных человека быть братом и сестрой.

– Ну да, ну да, – быстренько соглашается Алиса. – А пойдем куда-нибудь вечером? А? Сто лет тебя не видела! Расскажешь мне всё!

Если честно, не представляю, о чем ей рассказывать. Мы же и не общались никогда толком, чтобы я могла поделиться чем-то кардинально новым. Ну, работу сменила. Ах да, Алиса уже в курсе.

– Этого не возьмем, – добавляет она гаденько.

– А пойдем! – соглашаюсь я, подумав о том, что будет любопытно посмотреть на повзрослевшую Давыдову.

– Я вам не мешаю? – откашливается Влад и подозрительно смотрит на меня. – Я тебя с важным делом вызвал, а тут эта пришла... мелочь пузатая.

– Сам такой, старикан!

– Что за дело? – вклиниваюсь, пока они не подрались.

– Глянешь файллик? – Он протягивает мне флэшку. – Только не на рабочем компьютере, он просматривается службой безопасности. Если я попрошу их не следить за тобой, будет очень подозрительно. В общем, держи. Вдруг там есть что-нибудь интересное? Её передали час назад, думал, сразу отдать тебе. А то мне не сидится спокойно, пока она у меня.

Если честно, звучит... натянута. Ну, то есть это супер важное дело, которое не требовало отлагательств? Волнение

из-за того, у кого конкретно валяется эта флэш-карта?

Я, конечно, с удовольствием побуду её хранителем, но что-то не вяжется. Ладно, мне плевать. Между нами исключительно работа, и я буду работать... а не как обычно.

– Могу идти?

Влад кивает.

– Дай свой номер телефона! – вскрикивает Алиска. – Я напишу тебе адрес. Знаю шикарное местечко. Тебе понравится! Сегодня в семь, забились, да?

– Ага...

– Маш, – кликает меня Давыдов. – У тебя всё хорошо?

Просто прекрасно.

Наверное.

***

«Шикарное местечко» оказывается каким-то кафе здорового питания. Не клубом, не баром и даже не рестораном. Нет. Тут готовят тринадцать видов смузи, а меню такое полезное и вегетарианское, будто владельцы ограбили плантацию базилика.

Я ожидала чего-то другого. Громкой музыки, взрывных битов, танцующих людей, а тут... скука смертная.

– Классно, да? – Алиска отпивает глоток огуречного коктейля (разумеется, очень полезного) и довольно жмурится. – Мне так нравится, что в наши края пришли нормальные заведения. Попробуй цитрусовый крем-суп из тыквы. Объединение!

Я не планировала закончить вечер цитрусовым крем-супом (почему-то из тыквы), но не спорю. Передо мной уже стоит стакан какой-то желтой гадости, в которой плавают ошметки облепихи. Я ощущаю себя безнадежно старой, потому что кафе набито до отказа (Алиса с трудом забронировала столик), и молодежь выглядят счастливой.

М-да, меня бы в двадцать лет меньше всего радовала возможность поесть травы.

Зато понятно, почему сестра Давыдова такая худющая.

– Ты учишься? Работаешь? – спрашиваю Алису.

– Учусь. Перед тобой будущий дизайнер интерьеров. Братец сказал, надо получать высшее образование, – она морщится. – Я хотела уехать на какой-нибудь остров, чтобы углубленно изучать буддизм, а он сказал: только после того, как принесу ему корочку. Зануда, скажи?

Ну, судя по тому, что поездку Алиске оплатит Давыдов-старший – его сложно осудить.

– Он заботится о тебе.

– Он ни о ком не заботится, он черствый и скучный тридцатитрехлетний дед, – ворчит она и машет рукой. – Ой, ладно. Не будем про моего брата. Расскажи о себе. Замужем, дети есть?

– Увы. Только кошка. Помнишь её, Маруська?

– Она ещё жива?! – неподдельно изумляется Алиса. – Класс! Я как-нибудь зайду посмотреть на этого доисторического монстра. Ну, ты ж не в напряге, что не замужем, да?

Или тема запретная? Мало ли. У меня подружка рыдать начинает, когда я говорю про свадьбу. Ей парень уже пять лет не может предложение сделать.

– Не-а. Всё нормально. А у тебя что с парнем?

Она грустно колупает кусочек лепешки (уверена, исключительно полезной и лишенной всего вкусного), размалывая её в труху.

– Да так... он хороший и любит меня. Просто у него жена есть как бы.

– Э-э-э. Настоящая? Или бывшая?

– Настоящая, они только-только поженились, – она тупит взгляд и продолжает: – Не, ты не подумай. Он меня любит, но вынужден быть с ней. Она беременная просто.

Мне приходится изобразить максимально собранное выражение лица и не хлопнуть себя по лбу ладонью.

Нормально, да? Спит с одной, а рождает от него вторая?

– Аль, послушай. Я тетка дряхлая, но обычно, когда мужик говорит, что вынужден быть с женой, его никто не вынуждает. Ребенка же они как-то завели? Или его заставили? Насильно к кровати привязали?

– Да всё я понимаю, но... не могу... он хороший... – повторяет опять, будто его «хорошесть» может перекрыть брак с другой женщиной.

В общем, чуть позже я узнаю, что Алиса вступила в странный любовный треугольник. Он, она и его нынешняя супруга. Они с Максом – так зовут несчастного женатика – встре-

чаются уже два года. Наплывами. То сходятся, то расстаются. В один из разрывов он успел жениться. Но, разумеется, без любви. Исключительно из необходимости. А недавно супруги, между которыми "ничего толком нет", умудрились сотворить чудо и забеременеть (судя по всему, непорочно). Чему Максимка искренне удивился.

Как же так...

Он же практически ни-ни...

Такой, знаете ли, страдалец из классической литературы. Его заставили окольцевать себя, но сердцем он верен Алиске. Супружеский долг исполняет в слезах.

– Ты меня прости, конечно, – кричаю, дослушав трагичную историю о вечной любви на троих, – но пахнет какой-то ерундой.

– Ты говоришь прямо как Влад, – надувается девушка. – Наши отношения чуть глубже, их сложно описать в двух словах. Давай не будем обо мне?

– Давай не будем.

Я успеваю съесть цитрусовый суп – неплохо, но я бы добавила туда кусок мяса, – допить облепиховый лимонад и смириться с тем, что стейков в меню не ожидается.

– А почему ты замуж не вышла? – спрашивает эта невозмутимая девушка.

Совсем как старший братец. Мастера выбивать почву из-под ног. Даже вопросы задают похожие.

– Не было подходящей кандидатуры.

– Типа Влада?

– Угу, типа Влада, – даже не спорю. – Твой брат замечательный, но мы не смогли бы жить вместе.

– Он бы ни с кем не смог, его лечить надо от трудоголизма. Ты дольше всех выдержала. Остальные девушки... – она отмахивается, словно от назойливой мухи. – Ай, всё. Бесит он меня. Праведник, блин. Знаешь, мне кажется, он только тебя одну и любил по-настоящему. С другими вообще не считается. Меня тут одна в интернете нашла и как начнет рыдать, что жизни без него не представляет, а он ее видеть не хочет.

Внезапно Алиска оборачивается на столик в двух метрах от нас, куда как раз садится новая парочка, и лицо её вытягивается. Девушка задерживает дыхание как перед прыжком под воду, закусывает губу.

– Что такое?

– Там Макс...

И вот это – герой-многоженец?!

Я, не скрывая своего любопытства, рассматриваю тщедушного паренька в круглых очках, которому не вегетарианством нужно увлекаться, а поедать калорийные шашлыки, заправленные майонезом. Он не просто худощав – тощ до неприличия. Нелепая коричневая рубашка болтается на нем как на вешалке. Светлые волосы неопределенного оттенка зализаны и затянуты в тоненький хвостик.

Он отодвигает стул своей спутнице, которая – очевидно – приходится ему женой. И я фигею окончательно.

Потому что она так же красива, как Алиса. Роковая такая красота. Черноволосая, чернобровая, с алыми губами. Худенькая, если не считать едва заметного животика.

И вот ради этого... этого...

У меня кончается словарный запас.

Интересно, а если я окуну его в тарелку с супом (который заботливо принесу с собой), меня повесят на доску позора этого чудного заведения?

– Может быть, уйдем? – пищит побледневшая Алиса. – Я же знала, что это любимое место Макса, но не думала, что он придет сюда именно сегодня! С ней...

– Пойдем, без проблем.

Мы расплачиваемся и поднимаемся максимально бесшумно. Проблема только в том, что герой-любовник нас не видит, а потому крепко – совсем не из необходимости – целует в губы свою жену. Между ними искрит. Этого невозможно не заметить.

Алиса выбегает на улицу и закрывает лицо руками. Плечи её вздрагивают.

Наверное, точно так же выглядела я сама ещё вчера, когда постыдно разрыдалась после общения с Владом. Жалко. Безнадежно.

Проблема заключается в том, что если бесшумный побег был никем не замечен, то после поцелуя Алиса начала сбегать слишком активно – чем привлекла внимание своего неблагодарного.

Тот выходит следом, осматривается через гигантские линзы очков.

– Лисенок! – Он хватает её за локоть. – Я не знал, что ты тут!

– Убирайся, – шипит она. – Уходи, я тебя прошу! Ты же сказал, что вы совсем не целуетесь! Тебе якобы тошно её целовать, не, не помнишь?! Маш, поехали куда-нибудь. Пожалуйста!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.